

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Рецензия на книгу
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-366-386>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

«Большая книга ошибок» (новое собрание сочинений В.И. Нарбута)

© 2020, В.Г. Беспрозванный

Мичиганский университет,
Анн Арбор, США

Аннотация: В рецензии на недавно изданную книгу (*Нарбут В.И. Собрание сочинений: Стихи. Переводы. Проза / сост., подгот. текста, ст. и примеч. Р.Р. Кожухарова. М.: ОГИ, 2018. 832 с.*) рассматриваются текстологические методы, использованные при подготовке сборника, оценивается уровень комментариев и вступительной статьи и выявляется значительное число промахов составителя, которыми отмечено новое издание, в том числе в датировках произведений, их расположении по хронологии, библиографии, вариантах текстов, встречающихся в разных изданиях. Комментарии, которыми снабжена книга, демонстрируют дефицит профессионализма: они то чрезмерно перегружены деталями, то, напротив, даны в «телеграфном стиле», лишены связи с контекстом, нерелевантны или вводят читателя в заблуждение. Последнее в первую очередь касается русско-украинских межъязыковых омографов, омонимов и этнографических реалий. Пространная вступительная статья, содержащая подробный биографический очерк, включает ряд спорных предположений и произвольных умозаключений.

Ключевые слова: Владимир Нарбут, текстология, комментарии, рецензии.

Информация об авторе: Вадим Григорьевич Беспрозванный — PhD, лектор Школы информации, Мичиганский университет, Анн Арбор, США. ORCID ID: 0000-0002-5788-6557. E-mail: vbesproz@umich.edu.

Для цитирования: *Беспрозванный В.Г.* «Большая книга ошибок» (новое собрание сочинений В.И. Нарбута) // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 366–386. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-170-366-386>

Новое собрание произведений Владимира Нарбута (1888–1938), поэта акмеистической школы, члена «Цеха поэтов», талантливого издателя, публициста, литератора, создавшего сложную, во многом уникальную стихотворную технику, опубликовано в издательстве ОГИ [8]. Выход из печати такой книги — значительное событие, прежде всего, для тех, кто занимается исследованием творчества Нарбута и, шире, русской литературы Серебряного века, поскольку книга анонсирована как «наиболее полное собрание стихотворных и прозаических сочинений поэта». Впрочем, и широкая читательская аудитория, увлеченная поэзией Нарбута, наверняка не откажется от возможности познакомиться с творчеством поэта в большем объеме.

Несмотря на вышесказанное, новая книга, к сожалению, не привлекла достаточного внимания рецензентов; за исключением короткой критической заметки Сергея Зенкевича [3]¹, какие-либо отзывы на это собрание сочинений Нарбута на данный момент нам неизвестны, хотя необходимость ее более подробного рассмотрения вполне очевидна.

Прежде чем обратиться к новому собранию, упомянем предшествующие ему посмертные издания Нарбута. Первым была вышедшая в 1983 г. в Париже книга, подготовленная знатоком поэзии русского модернизма Л.Н. Чертковым [7]. Название «Избранные стихи» достаточно точно отражало намерения ее составителя: этот сборник знакомит читателей с творчеством поэта, руководствуясь критериями «художественности» [7, с. 234]. Издание это было, разумеется, малодоступным. Кстати, предполагалось, что именно Леонид Натанович Чертков будет готовить к печати том стихотворений Нарбута для «Библиотеки поэта» (в 1960-е об этом издании хлопотала Серафима Густавовна Нарбут-Шкловская, однако эти планы реализованы не были²). В 1990 г. Н.С. Бялосинская и Н.В. Панченко выпустили книгу «Стихотворения» [9], за основу которой был взят неизданный сборник Нарбута «Спираль» [9, с. 404]. Для широкого круга читателей эта книга стала основным источником знакомства с поэзией Нарбута. Однако именно с издания 1990 г. начались, во-первых, проблемы установления аутентичности публикуемых текстов Нарбута, и выбора между основной и дополнительными редакциями стихотворений, во-вторых. От нового издания произведений поэта, составленного Р.Р. Кожухаровым, читатель был вправе ожидать

¹ Одновременно с версткой нашей статьи появился анонс рецензии С.Р. Федякина на это издание (Вопросы литературы. 2020. № 4).

² В архиве Т.Р. Нарбут хранятся официальные письма С.Г. Нарбут-Шкловской в издательство «Советский писатель» и в «Гослитиздат». Также см.: [9, с. 6].

появления не только более полного, но и более исправного собрания, в котором решались бы (или хотя бы ставились) проблемы нарбутовской текстологии.

В нашей заметке мы хотим сосредоточиться на принципах составления нового собрания сочинений Нарбута, комментариях к ним, а также на вступительной статье, предваряющей это издание.

Анонс нового собрания сочинений Нарбута и сообщения о нем в прессе обращают внимание на исключительную полноту этого издания, а в преамбуле к комментариям сам составитель

пишет: «Настоящее издание является первой попыткой представить художественное наследие Владимира Нарбута с наибольшей полнотой». Здесь сразу же возникают вопросы: при таком стремлении к полноте не должно быть сомнений в том, что в основу этого собрания легла общеизвестная библиография Нарбута [12, с. 381–409], однако а) почему Р. Кожухаров нигде об этом не упоминает, б) почему он не использовал ее в достаточной степени (или не использовал вовсе?): в книгу не включен целый ряд стихотворений³, указанных в библиографии, не говоря уже о сведениях о прижизненных публикациях.

Обратимся вначале к принципам составления книги. Состоит она из трех частей: «Стихи», «Переводы», «Проза». Мы не станем подробно обсуждать состав публикуемой прозы Нарбута. Эта часть нового издания очень далека от полноты; девятнадцать произведений, среди которых публицистика, художественная проза и небольшие мемуарные очерки, отобраны по принципу, ведомому только составителю, и Нарбута-прозаика и Нарбута-очеркиста представляют плохо⁴; даже вышеназванная (неполная) библиография В.И. Нарбута содержит в соответствующем разделе бóльший перечень прозаических произведений. Что до раздела «Переводы», то он представлен тремя стихотворениями двух поэтов,

³ Примерно восемь десятков стихотворений Нарбута, из числа отмеченных в библиографии, не вошли в это издание.

⁴ Об этом упоминает в своей рецензии С. Зенкевич.

но поскольку осетинского и чеченского языка Нарбут не знал, речь здесь идет о так называемой литобработке. Переводы Нарбута с польского и с украинского в книгу не включены, хотя также указаны в упомянутой библиографии.

Наибольший объем в книге занимает раздел «Стихи». В этой части издание страдает несколькими существенными текстологическими просчетами: составитель чрезвычайно вольно обошелся с поэтическим наследием Нарбута, состоящим из стихотворных сборников, публикаций в периодических изданиях и неопубликованного при жизни автора. Р. Кожухаров, видимо, решив придерживаться хронологического принципа, разрушает структуру сборников, публикует ранние редакции вперемешку с поздними, соединяет их иногда в один текст, совершенно произвольно используя черновые редакции, размещает рядом опубликованное и неопубликованное (далее мы подробнее рассмотрим некоторые примеры перечисленных здесь замечаний).

Но в ряде случаев хронологический порядок публикации стихотворений также нарушен; так, «Телепень и его слуга»⁵ (1913) помещается между стихотворениями «Рождество» (1911 — первая публикация, 1912 — вторая) и «Вечер» (1912); стихотворение «В августе» (1910) напечатано в подборке стихотворений 1911 г.

О важности «пейзажно-календарной» поэзии в творчестве Нарбута упоминалось неоднократно [14; 5; 1], причем даты первых публикаций в периодике по большей части совпадали со временем года. В издании Р. Кожухарова и этот принцип не соблюдается. Без какого бы то ни было внятного резона произведения, опубликованные летом располагаются раньше «пасхальных» стихотворений. Примеров этому в рассматриваемом издании находим множество, вот лишь некоторые из них: стихотворение «На баштане» («Поспели на баштане дыни...»), опубликованное в ноябре 1912 г., помещено между «Весенним днем» (апрель 1912 г.) и «Весенней ночью» (апрель 1912 г.); а после стихотворения «Урожай» (июль 1912 г.) помещено стихотворение «В мае» (май 1912 г.). Более того, иногда стихотворения, напечатанные в одной журнальной подборке, публикуются раздельно⁶.

⁵ «Телепень и его слуга» — название, данное В. Нарбутом стихотворению в 1930-е гг. См. первую публикацию: «Телепень» («Ражий помещик (длиннющие руки)...») // Гиперборей. 1913. № 9–10. С 33–34.

⁶ Так случилось, например, с публикацией двух стихотворений Нарбута из журнала «Сирена»: «Ты улыбнулась и — покорно...», «Красная Россия» («Щедроты сердца не разменяны...») // Сирена. Воронеж, 1918. № 1. Стб. 2–3.

Кажется излишним говорить о том, какое значение в культуре акмеизма придавалось составлению поэтического сборника, книге как единому тексту — все это вещи хорошо известные. Стихотворные книги Нарбута, рассматриваемые в их целостности, — смыслообразующий фактор, без учета которого нельзя ни понять, ни оценить литературную стратегию поэта. Вышедшие из печати сборники и публикации в периодических изданиях становились фактом литературной жизни, неопубликованные — фактом посмертной рецепции творчества поэта.

Предваряя примечания к книге, Р. Кожухаров сообщает следующее: «С 1908 по 1922 г. поэт [...] издал не менее десяти (точное число неизвестно) стихотворных сборников» [8, с. 734]. Вряд ли каждый, кто прочитает это утверждение, немедленно вспомнит весь перечень нарбутовских сборников, вероятно, его стоило бы здесь воспроизвести. Но и у тех, кто знаком с библиографией Нарбута, возникнет недоумение относительно «десяти» изданных стихотворных книг. На сегодняшний день можно считать подтвержденным существование следующих: «Стихи. Кн. I» (1910), «Аллилуиа» (1910; 2-е издание — 1922), «Любовь и любовь» (1913), «В огненных столбах» (1920), «Плоть» (1920), «Советская земля» (1921), «Александра Павловна» (1922). Итого, даже если считать 2-е издание «Аллилуиа» отдельной книгой, — восемь. Сведения об остальных, каковых в библиографии Нарбута еще четыре, — «Вий», «Веретено», «Красноармейские стихи», «Стихи о войне» — почерпнуты из анонсов, помещенных в изданиях из числа этих восьми (на самом деле, названий в анонсах было еще больше), и их существование *de visu* никем не установлено.

В новом издании Нарбута имеются, в общем-то, лишённые выятных оснований разделы: «Ранние стихотворения 1906–1909 годов», «Книга I. Стихи 1909 г. (1910)», «Стихотворения 1910–1912 годов»; после раздела «Стихотворения 1913–1916 годов» сразу представлен сборник «Плоть» (1920). Появляется также раздел «Стихи о войне», куда вошли публикации из одесской периодической печати, часть которых была помечена этим общим названием. Как тут не вспомнить борхесовскую «китайскую энциклопедию» с ее экзотической рубрикой.

Открыв оглавление и сопоставив его с содержанием стихотворных книг Нарбута, существование которых не подлежит сомнению, читатель увидит, что только «Стихи. Книга I» и не опубликованный при жизни автора «Казненный Серафим» сохранили оригинальный состав. Но уже «Аллилуиа» представлена образом, отличным от того,

каким эту книгу знали современники поэта. Составитель поясняет: «Стихи раздела печатаются по обоим изданиям с уточнениями, сделанными по Сб. 1983⁷ и Сб. 1990⁸» [8, с. 747]. О каких уточнениях может идти речь, если мы располагаем аутентичными, составленными самим Нарбутом двумя изданиями книги и зачем их «уточнять», пользуясь позднейшими (посмертными) источниками? В результате столь усложненного подхода читатель получает несуществующий сборник, в состав которого вошли стихи в редакции 1920 г., снабженные эпиграфами и посвящениями 1912-го. Те изменения, в некоторых случаях существенные, которые были внесены поэтом в стихотворения одноименного раздела «Аллилуиа» его итоговой книги «Спираль» (1930-е), отражают как эволюцию идиостиля Нарбута, так и перемены в литературно-общественной ситуации (Нарбут старается пореже употреблять слова с «мистической» семантикой). Варианты следовало бы публиковать отдельно, «послойно» показывая процесс работы Нарбута над стихотворением. Но смешивать редакцию 1930-х гг. с написанным в 1910-е гг. абсурдно.

Сборники «Любовь и любовь» и «В огненных столбах» в оглавлении отсутствуют, о содержании первого из названных можно узнать только из примечаний к входившим в него двум стихотворениям. Между тем, миниатюрное издание «Любовь и любовь» — примечательное событие в поэтической биографии Нарбута, книжка, интересная не только своим составом, но и фактом выпуска — это своеобразный литературный и издательский эксперимент⁹.

Что же касается книги «В огненных столбах», то и о ее существовании читатель может узнать лишь приложив дополнительные усилия — да и то вряд ли ему удастся понять, что же случилось с этим сборником. Впрочем, об отношении к «суверенному» понятию «сборник», «книга стихов» составителя «нового Нарбута» можно узнать из следующего примечания к «Советской земле»:

Сборник стихов с таким названием (?) вышел в 1921 г. в Харькове. Тексты раздела (!) печатаются по СЗ [«Советская земля»], по публикациям

⁷ Здесь и далее имеется в виду: [7].

⁸ Здесь и далее имеется в виду: [9].

⁹ Интересные соображения по поводу истории создания этой книжки, высказанные в статье В. Устиновского и Т. Нарбут [10], дополнил А. Соболев в своей заметке в «Живом Журнале» («Малоспрашиваемые сведения», 3 мая 2013. URL: <https://lucas-v-leuyden.livejournal.com/175339.html>).

1918–1921 гг. в газетах и журналах Воронежа, Одессы, Харькова, в сб. ВОС [«В огненных столбах»], а также в Сб. 1983 и Сб. 1990. [8, с. 764]

Из процитированного понятно, что составитель не предполагал следовать ни авторскому решению, ни авторской логике: порядок публикации стихотворений сборника «Советская земля» изменен («Годовщина взятия Одессы» и «Бастилия» перемещены в самый конец), стихотворение «Из книги “Эфиопия”» переименовано по первой его строке, цикл «Большевик» взят в редакции более раннего сборника «В огненных столбах». Кроме того, сюда включены несколько произведений Нарбута из периодических изданий, среди них не имеющее отношения к «советской» тематике раздела стихотворение «Как нежен, наивен и тонок...».

Возвращаясь к примечаниям к сборнику «В огненных столбах», мы находим еще один пример не критичного отношения составителя к материалу. В комментарии к стихотворению «Развернулось сердце розой...» Р. Кожухаров пишет:

Стих-ние послужило причиной запрета ВОС, тираж, за исключением сигнального и авторских экз., был уничтожен, весь сборник находился в списке запрещенной литературы спецхрана на протяжении всего советского периода, вошел в последний и очень небольшой список Главлита, вышедший в самом конце 1988 г., и освобожден в числе самых последних книг спецхрана — в 1993 г. (А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб, 2003). [8, с. 767]

Остановимся на сказанном несколько подробнее, хотя бы потому, что утверждение такого рода должно (если оно справедливо) заставить нарбутоведов пересмотреть историю этого издания. Откуда взяты сведения об уничтожении тиража? А.В. Блюм об этом не пишет. Да и само это утверждение звучит анекдотично: «Тираж [...] был уничтожен, весь сборник находился в списке запрещенной литературы спецхрана».

Кроме того, процитированный комментарий Р. Кожухарова разительно напоминает высказывание другого исследователя Нарбута, А.В. Миронова:

Книга «В огненных столбах» была запрещена и, за исключением сигнальных и авторских экземпляров, уничтожена. Судя по сводному указателю спецхрана, она попала в список запрещенной литературы

и при каждом пересмотре (1951, 1973, 1988) оставалась там <далее идет цитата и ссылка на вышеназванную монографию А.В. Блюма. — ВБ> [6].

Между строк обеих цитат можно видеть, однако, фрагмент статьи Т.Р. Нарбут и В.Н. Устиновского (ссылки на него нет ни у Кожухарова, ни у Миронова):

В том же 1920 году в Одессе В.И. Нарбут готовит и издает свои первые из обнаруженных сборников революционных стихов «В огненных столбах». Книжечку эту, как и первое издание «Аллилуиа», постигла незавидная участь. Она была запрещена из-за первого стихотворения («Развернулось сердце розой...»), в значительном числе экземпляров уничтожена и до недавнего времени находилась в спецхране [10, с. 323]¹⁰.

Различия в сказанном уловить нетрудно. Как, увы, и то, что утверждение об уничтожении сборника дано без указания на источник сведений.

Кажется очень сомнительным, что новоназначенный директор ОдукРОСТА, которому покровительствует Сергей Ингулов, так сказать, «большевик в законе», попадает вдруг в весьма скандальную историю и, тем не менее, никаких партийных нагоняев не получает, продолжает печататься и во всех анонсах своих последующих сборников непременно указывает книгу «В огненных столбах» в ряду опубликованных. О многом говорит и то, что сборник был издан одесским Губернским отделом печати, т. е. организацией, обычно исполнявшей в то время и обязанности учреждения цензуры. Итак, утверждение об изъятии книги нуждается в подкреплении фактическим материалом, а не ссылкой на списки спецхрана 1950-х гг.¹¹

Книга стихов «Александра Павловна» в новом издании также стала «разделом». Сюда включена реконструкция одноименной поэмы, сделанная Л. Чертковым, и, хотя сама идея этой реконструкции

¹⁰ Еще одну версию произошедшего см. у М. Кралина: «Поэт, отдавший всю жизнь без остатка служению революции, одним из первых почувствовал гнет новой, уже советской цензуры. Из сборника “В огненных столбах” было выброшено стихотворение, написанное твердой рукой правдивого участника страшных событий: “Развернулось сердце розой, Пьет соленую аорту...”» [11, с. 12].

¹¹ Заслуживает внимания замечание, высказанное Р. Тименчиком по поводу этого сборника. Сообщая об изъятии из не вышедшей из печати монографии Анатолия Андреевича Волкова, печально известного критика русской поэзии начала XX в., фрагмента, посвященного Нарбуту, исследователь пишет: «Не приходится сомневаться, что изъятие его имени связано со сведениями о его аресте в 1936 г. Изъята была и его книга “В огненных столбах” (Одесса, 1920)» [13, с. 170].

не бесспорна, Чертков приводит определенное обоснование своему решению [7, с. 247], чего мы не найдем в рассматриваемом издании, равно как и ссылки на издание 1983 г. [7]. Характерная деталь: у Черткова к этой публикации использован подзаголовок «главы из поэмы» [7, с. 185], тогда как Р. Кожухаров назвал ее «отрывками из поэмы» [8, с. 778]. Стихотворение «Портрет» из сборника «Плоть» было изъято без каких-либо пояснений и, со странным комментарием «впервые: Сб. 1990», превращено в первый «отрывок» [8, с. 778].

Не лучше обстоит дело и со стихотворениями, опубликованными в периодической печати. Раздел «Ранние стихотворения 1906–1909 годов» включает в себя как опубликованное в периодических изданиях, так и произведения, не публиковавшиеся при жизни поэта. Вошло в этот «ювенильный» раздел и стихотворение «Паук-крестовик», без всяких дополнительных объяснений датированное Р. Кожухаровым 1910 г. (опубл. в журнале «Gaudeamus» в 1911 г.). Стихотворение «Левады» («Gaudeamus», 1911) печатается по изданию 1990 г. [9], в котором, в свою очередь, использована редакция стихотворения из сборника «Спираль» (1930-е), существенным образом переработанная Нарбутом, а прижизненная публикация вынесена в примечание [8, с. 742]. И тут уж полное недоумение. Зачем же печатать стихи по книгам-«посредникам» (таких случаев очень много) вместо того, чтобы использовать прижизненные публикации и/или архивные материалы. Почему, располагая рукописями поэта и возможностью ознакомиться с прижизненными публикациями стихотворений, составитель часто перепечатывает их по изданиям 1983 и 1990 гг. [7; 9], перенося таким образом ошибки и опечатки предшественников в новое издание? Яркий пример представляет собой в этом смысле стихотворение «Пуговица». Это, по сути дела, несуществующий нарбутовский текст, поскольку Бялосинская и Панченко составили его из разных рукописных фрагментов, видимо, руководствуясь сугубо эстетическими соображениями, желая, так сказать, «улучшить» Нарбута. А Р. Кожухаров перенес его в этом виде в составленный им сборник. То же самое случилось и со стихотворением «Самоубийца».

Вызывают сомнения датировки ряда стихотворений: это касается как произведений 1910-х гг., не опубликованных при жизни поэта, так и более поздних («Гаданье», «Сквозняк»), тем более что составитель обычно не поясняет основания, по которым эти даты определены. Иногда он просто переносит даты написания стихотворений из изданий 1983 и 1990 гг. [7; 9], часто отождествляет дату написания с датой публикации.

Другие редакции и варианты стихотворений Нарбута помещаются составителем в примечаниях, но иногда помещаются, а иногда нет, и часто не полностью. Варианты цитируются произвольно: иногда по рукописям, иногда по предшествующим изданиям: так, к первому стихотворению из цикла «Лихая тварь» единственное различие, приведенное в комментариях, выглядит следующим образом: «“Две сестры... два тушкана...” — в Сб. 1990: “три сестры”, “три тушкана”» [8, с. 748]. Заметим, что различий с поздней редакцией стихотворения, включенного Бялосинской и Панченко в «Стихотворения», более десятка, и они не менее значительны, чем изменение числа «тушканов».

Издание снабжено 75 страницами примечаний и комментариев, алфавитным указателем стихотворений, а также справочным аппаратом, содержащим неунифицированные или просто ошибочные ссылки; названия стихотворений в примечаниях только иногда сопровождаются указанием первой строки.

Комментарии очень неровные: подробно прокомментированы реалии, относящиеся к событиям Первой мировой войны, а также стихотворения из цикла «Стихи о войне», некоторые из прозаических произведений. Иногда комментарии кажутся излишними (т.е. в них речь идет о том, что комментировать не требуется) или чрезмерными (слишком подробными с точки зрения комментируемого материала): нам объясняют, кто такие Сенека, Сусанин, Махно и даже Дубровский, но о Сергее Судейкине, которому посвящена «Лихая тварь», сообщается лишь, что он «художник» [8, с. 748], а о Марии Чемберс не сообщается вообще ничего. Биография погибшего «председателя Уревкома» Аносова (стихотворение «Памяти С. Аносова») изложена в пассаже, которому место было бы в какой-нибудь популярной краеведческой статье: возникают мошенник пророк Иннокентий, таинственный монастырь и секта «раян», распространенная «на территории Украины, Приднестровья, Бессарабии, Молдовы и Румынии» [8, с. 770], и многое другое, о чем ни слова нет у Нарбута. Зверские мучения, которым был подвергнут Порфирий Панасюк, герой одноименного патриотического стихотворения Нарбута 1915 г., так красочно и подробно описаны Р. Кожухаровым [8, с. 755–756], что заставляют читающего задаться вопросом об их уместности. Сам Нарбут предпочел воспеть подвиг Панасюка, в такие детали не вдаваясь.

Комментатор пытается найти отражение жизни Нарбута в его поэзии, но выходит это у Р. Кожухарова до крайности неловко. Наивный биографизм заставляет комментатора временами приводить

факты, не имеющие, в сущности, отношения к рассматриваемому произведению: так, комментарий к стихотворению «Тиф» снабжен указанием на то, что сам Нарбут перенес тиф, а также и на смерть его брата и отца от этой болезни [8, с. 759]. Само стихотворение, между тем, никаких указаний на биографический подтекст не содержит, а от сыпного тифа в послереволюционной России (1917–1921), как сообщает нам «Википедия», погибло около 3 млн человек. Но уж если и устанавливать такую прямолинейную связь, то не худо бы вспомнить, что это стихотворение было опубликовано в январе 1919 г.¹², сам Нарбут заболел тифом осенью 1919 г. во время заключения в ростовской тюрьме; отец его Иван Яковлевич скончался не ранее марта–апреля 1919 г., а брат Георгий и вовсе в мае 1920 г. Вообще «семейные» комментарии местами поражают: за подробной (более подробной, нежели это необходимо) биографией революционера-анархиста, героя Гражданской войны Нестора Ивановича Махно следует замечание: «Мать поэта, Неонила Николаевна, в девичестве была Махнович. Ср. образы Махно в “Конармии” И. Бабеля и “Стране негодяев” С. Есенина» [8, с. 788]. Примечательно, что комментарий относится к следующей строке стихотворения «Плавание»: «Ахает папаха, как Махно» [8, с. 533]. А если бы Неонила Николаевна в девичестве была не Махнович, а Махно, что это должно здесь означать? И какие сведения о папаше Махно мы должны почерпнуть из Бабеля и Есенина? Словосочетание «сатана в сатине» из того же стихотворения поясняется так: «В юности у Нарбута было прозвище “Сатана”» [8, с. 787]; «сатану в сатине» в этом стихотворении разъяснил сам Нарбут: «И шофер в приплюснутой фуражке, — Сатана в сатине...»¹³. Стихотворение «В огне» («Овраг укачал деревню...») сопровождается отсылка к истории нападения на хутор Хохловка в начале января 1918 г., в результате которого Нарбут потерял руку [8, с. 769]. Следует заметить, что сюжет стихотворения основан на описании совершенно иных событий, к тому же происходящих летом («о теплая ночь июля»).

Еще пример: комментарий к пятой части стихотворного цикла «Большевик» — «Шепот темный и гулкой...». Составитель приводит сравнительный материал к строке «...и сам я шарж», отсылая читателя к дружескому шаржу на Нарбута авторства С. Зельцера, напечатанному в № 2 «Облавы» в августе 1920 г. [8, с. 767]. Но дело в том, что указанная часть стихотворения была в первый и последний раз опубликована в сборнике «В огненных столбах»,

¹² Известия. (Воронеж). 1919. 26 янв.

¹³ Об этом фрагменте стихотворения см.: [4, с. 62].

вышедшем из печати не позднее июля 1920 г. Что же это значит? Что С. Зельцер нарисовал шарж на Нарбута (а заодно и шаржи на С. Ингулова и А. Луначарского), прочитав соответствующую строку из «Большевика»? Кстати, шарж этот снабжен эпиграммой, в которой обыгрывается выход другой книги Нарбута — «Плоть».

Вообще, в «Примечаниях» читатель найдет самые невероятные сведения. Р. Кожухаров довольно часто игнорирует зависимость смысла комментируемого слова от контекста стихотворения. Иначе не объяснить появления таких перлов, как: *Чека — стержень* [8, с. 750] — пояснение к строкам «экая, скажите, недотрога! // Барыня из Киева! Чека!..», *Чемерка — ядовитое растение* [8, с. 769] — здесь: украинская народная мужская верхняя одежда, *Бульбой был бунчук богат... — Тарас Бульба, казацкий полковник, герой одноименной повести Гоголя...* [8, ч. 743] — речь идет о фигурном украшении гетманского бунчука, похожем на «бульбу», т. е. на шар, *Интернационал — III Интернационал (Коминтерн)* [8, с. 765], хотя в стихотворении «Семнадцатый» имеется в виду гимн трудящихся. Р. Кожухаров подробно рассказывает о том, кто такой «Зверь Апокалипсиса» [8, с. 745–746], но отчего-то упускает из виду необходимость объяснить, что он, собственно, делает в стихотворении «Бородино» («Свершилось! Сотня лет минула...»). Point здесь в том, что со зверем, о появлении которого было предсказано в Апокалипсисе, в народных представлениях отождествлялся Наполеон.

Иногда автор примечаний просто не понимает значения слов, которые он поясняет, и поэтому появляются: *по-кажаньи — как бешеная собака* [8, с. 780] (кажан — укр., летучая мышь), *услон — спуск или подъем с горы или в гору* [8, с. 749] (услон/ослон — скамейка), *брудастые — грязные, нечистые* [8, с. 759] — см. словарь М. Фасмера: «брудастый, обросший длинной, косматой шерстью» (о морде животного), в крайнем случае, можно обратиться к кинологическим заметкам Ноздрева.

Комментарий к слову «халява» из стихотворения «Мороз» отсылает к примечанию к стихотворению «Облава», где это слово объясняется как «голенище сапога» [8, с. 788]. Но что же выйдет, если мы воспользуемся этим толкованием? Строка «хлеб и в поту халява — под рубахой» будет означать, что лирический герой кладет за пазуху краюху хлеба и потное голенище сапога и с этими, необходимыми во всяком путешествии предметами, отправляется в путь. Поэзия Нарбута, особенно поздняя, может быть сложной, требующей расшифровки, но она не бывает бессмысленной. У Нарбута здесь

ассоциация по смежности: речь идет о так называемом «захалывном ноже», т. е. ноже, который носят за голенищем сапога.

Многочисленные небрежности, неточности, ошибки переполняют примечания: комментарий «*Церковные ведомости*» — еженедельное издание при святейшем правительствующем синоде [8, с. 804] без датировок не вполне внятны: складывается впечатление, что и Святейший Синод по-прежнему Правительствующий, и газета продолжает издаваться; пояснение *Ланжерон — одесский пляж* [8, с. 767] в отношении к контексту стихотворения создает комический эффект («Все та же дремота // В Петербурге и на Ланжероне»). Ланжерон здесь — это, прежде всего, метонимическая отсылка к г. Одессе, причем имеется в виду не пляж как таковой, а прибрежная часть города, получившая название от расположенной там дачи новороссийского генерал-губернатора графа Ланжерона (1763–1831); позднее тут находились большой увеселительный сад для «приличной публики», летние театры, дачи, купальни и пляж; *кошара — загон для выпаса <так!> скота* [8, с. 790], хотя, собственно говоря, кошара — это просто хлев; нередки комментарии типа «непонятное через непонятное»: *олеография — вид литографии* [8, с. 788], *архалук — поддевка* [8, с. 787], некоторые пояснения звучат несколько загадочно: *штрипки — тесемки под штаниной* [8, с. 796], *бурса — средневековое общежитие для бедных студентов богословия* [8, с. 785]; встречаются и пояснения к словам, вообще отсутствующим в текстах стихотворений: так, *медянка — змея из семейства ужеобразных* [8, с. 781] свила гнездо в примечании к пятой части поэмы «Александра Павловна», а стихотворение «Архиерей» снабжено кратким и мрачным комментарием *домовина — гроб* [8, с. 750]. Это пояснение могло бы быть полезным читателю, если бы только опубликованный вариант стихотворения содержал этот украинизм; слово «домовина» есть в другой редакции стихотворения, которая не включена ни в основной состав данной книги, ни в комментарии. В примечании к тому же «Архиерею» строки «[...] ладони // Прикурнула колдобина, кисть исковеркав» прокомментированы так: «*Прикурнула — вздремнула*» [8, с. 750]. Смысл этой фразы у Нарбута не слишком прозрачен, но он все же наличествует, а такое пояснение понятным его не делает.

«*Радионосное Завтра*» из стихотворения 1921 г. «Шахтеры» почему-то комментируется отсылкой к статье Нарбута «Радиофикация Украины» [8, с. 775–776], хотя эта фраза говорит скорее о вере Нарбута в будущий прогресс, нежели о проблемах радиофикации; «радионосный» в русском языке означает «содержащий радий», а не

«несущий радио», тема радия как химического элемента сказочных возможностей была популярна в то время; ср. также в других стихотворениях Нарбута: «Язычник я не верю, есть же радий» («Самоубийца»), или «Мы, бронзовые от закала, // Радионосно-алый сеем пыл...» («Октябрьское солнце»).

Совершенно нелепый комментарий дан к эпитафии из Нарезного к стихотворению «Клубника» [8, с. 750]: здесь мы узнаем немало интересного о романе «Российский Жилблаз», в частности о причинах его изъятия и т. п.; но о том, что эпитафия — это цитата из повести Нарезного «Мария», не сообщается. С эпитафией к первому изданию «Аллилуиа» возникла другая проблема: читателю он представлен в исправленном виде (у самого Нарбута там опечатка или намеренный пропуск), источник цитаты переведен с церковнославянского неправильно: вместо «каф.<изма> 20, псалом 148» указано: «Псалом 148, ст. 7–13» [8, с. 312].

Комментатор попытался указать и наиболее очевидные, на его взгляд, интертекстуальные связи поэзии Нарбута. Справился он с этой задачей посредственно. Некоторые догадки, как, например, отсылка к «Пиковой даме» в стихотворении «Сириус» [8, с. 761], кажутся остроумными, однако нуждаются в пояснении. Но какого рода сходство должен увидеть читатель между строками Нарбута «За белую, за сонной самкой, // Самец, гонись в трущобный лес!» и стихотворением Блока «В Дюнах» [8, с. 784]? Можем лишь предположить, что основанием для сравнения послужил поэтический сюжет: лирическое «Он» намеревается догнать (у Блока почти догнал) лирическое «Она» с целью достижения интимной близости. Тут не только Блок, тут и батюшковская «Вакханка» подойдет. Вообще-то говоря, это топос («общее место»). Что дает для понимания стихотворения «Гимназическое» предложение сравнить его с «Архиереем» [8, с. 778]? Отсылка стихотворения «Подкатил к селу осенний праздник...» к рассказу Нарбута «Пелагея Петровна» [8, с. 754] представляется также сомнительной: героиня стихотворения, робкая беременная попадья, полная предчувствий смерти, ничуть не похожа на остроумную бой-бабу Пелагею Петровну; правда, она тоже попадья, но тогда уж можно присовокупить сюда и попадью из стихотворения «Пьяницы». Поиск текстовых параллелей между поэзией и прозой Нарбута может быть вполне оправдан, однако требует критического отношения к отбираемому материалу.

Но и на фоне множества ошибок и невнятных примечаний составителя едва ли не более поражает количество необъясненных фактов, реалий, сложных аллюзий, встречающихся практически

постоянно в поэзии Нарбута, иногда даже ранней, начиная с «Аллилуиа», а уж «Казненный Серафим» и поздние стихи без подробного комментария просто непонятны.

Говорить об ошибках, допущенных Р. Кожухаровым в примечаниях, можно еще долго, материал для критики нами далеко не исчерпан. Но и сказанного, как кажется, достаточно, чтобы составить представление о новом издании Нарбута в этой части.

Отдельного внимания заслуживает раздел «Отрывки и черновые наброски 1920–1930-х годов». Печатать его в том виде, в котором его представил Р. Кожухаров, не было решительно никакого смысла. По сути дела, здесь дан материал, который было бы правильнее определить как «поэтическое хозяйство Нарбута», и этот материал требует тщательного текстологического анализа. Составитель использует некоторые принципы описания, похожие на работу текстолога, но таковой не являющейся, поскольку связи «отрывков» с корпусом текстов Нарбута не устанавливаются и не комментируются; более того, по сообщению Р. Кожухарова, им включены в этот раздел «наиболее яркие отрывки не сохранившихся полностью ст-ний и наброски отдельных строф и строк, находящиеся в разной степени проработки». На самом деле нам представлена смесь фрагментов, в которых случайные фразы, упражнения на рифмы и звуковые повторы (*не трать — тетрадь, ужасный уж*), палиндромы (*зелень — не лезь*), каламбуры (*глаз вопиющего в пустыне*) смешаны с отрывками и рабочим материалом стихотворений. Кроме того, этот раздел «украсил» отрывок «<И> пьяную он начинает речь...» [8, с. 603], на самом деле являющийся фрагментом стихотворения Эдуарда Багрицкого и Ивана Микитенко «Ночь в монастыре» (1923)¹⁴.

Обратимся далее к вступительной статье, автором которой также является Р. Кожухаров. В ней чуть больше ста страниц, т. е. это своего рода мини-монография, посвященная биографии и творчеству В.И. Нарбута. Статья в целом организована по хронологическому принципу, написана с привлечением мемуарных и архивных источников, и так же, как и примечания, содержит самые невероятные умозаключения. По типу представленного в статье материала ее можно разделить на три части. К первой из них относится множество свободных от какой-либо фактической основы утверждений, разного рода художественных обобщений, предлагающих читателю некое импрессионистическое описание жизни и поэзии Нарбута. Ни

¹⁴ Поэма Багрицкого и Микитенко «Ночь в монастыре» была напечатана в газете «Одесские Известия» от 25 декабря 1923 г., позднее перепечатана в № 11 журнала «Юность» за 1963 г.

спорить, ни соглашаться с ними невозможно: они по большей части основываются на том, что жизнь поэта была исполнена только лишь мрачного трагизма, что, конечно, неверно в отношении Нарбута-гимназиста, Нарбута-студента, Нарбута-странствующего издателя. Опираясь на многочисленные воспоминания современников, нетрудно заметить, что Владимир Иванович был человеком веселым, любившим шутки, часто не лишенные сарказма, и розыгрыши, не всегда добродушные. И человеком циничным, а нередко — добрым и сердечным. Жестким и жестоким, слабым и сильным. Но прежде всего он был поэтом, литератором, много работавшим над языком и стилем. Но в статье Р. Кожухарова Нарбут-поэт представлен такими «проникновенными» строками (анализ стихотворения «Одно влечение слышать гам...»):

Соразмерные шагу странника (который сливается с лирическим героем) удары его верной спутницы-клюки становятся созвучными ударам его сердца. Это соразмерное «проклевывание» (курча в переводе с украинского «цыпленок») ломает скорлупу статичного созерцания. Герой Нарбута, словно прорвав тугую пелену окутавших его в первом сборнике живописных холстов, смело и энергично устремляется в эту прореху <так!>, всячески проявляя свое присутствие, вочеловечиваясь и воплощаясь в бытие. [8, с. 93].

Ср. также:

Кульминационным итогом акмеистической поры 1911–1913 гг. в творческой судьбе Нарбута можно считать стремление быть в кругу единомышленников [...], — тех, с которыми Нарбуту суждено будет наполнить литературу своим, неповторимым содержанием. [8, с. 73].

В таком всеохватном объеме и проступает удивительный оксюморон: через трагедию и рок противоречий, через неотступное, экзистенциальное предощущение отчаявшейся жертвы — к цельному воплощению поэтической судьбы, ярко отразившей тектонические разломы, пожалуй, одной из самых трагически неразрешимых в своей сложности эпох нашей истории. [8, с. 23].

Как там у Пушкина?.. «Приходит в мысль: что, если это проза?»

Второе, о чем необходимо сказать, — это обилие материала об исследованиях, предшествующих статье. Опирается на сделанное предшественниками — вообще говоря, вещь полезная, но только тогда, когда она соотнесена с точкой зрения самого автора новейшего сочинения и имеет какой-то практический резон. Зачем поминать

статью Р.Д.Б. Томсона [16], опубликованную в 1981 г. и сегодня вполне устаревшую, не говоря уже о заметке Л. Страховского [15], написанной и вовсе в 1950-м... Это выглядит как ненужная формальность. Да и другие авторы часто упоминаются или цитируются без ясной цели: сообщая читателю о том, что Нарбут написал отрицательный отзыв о сборнике Вяч. Иванова «Сог Argdens» и что критика Иванова была частью акмеистической «смены вех», необязательно цитировать сразу и Р. Тименчика, и О. Лекманова, тем более что и тот, и другой всего лишь указывают на факт его публикации. Цитат иногда больше, нежели того требует содержание статьи и профессиональная корректность. С другой стороны, Р. Кожухаров вовсе не ссылается на републикацию заново отысканного А. Соболевым стихотворения Нарбута «Голод»¹⁵. Есть и другие «отсутствующие» ссылки.

Впрочем, иногда составитель прибегает не к прямому цитированию, а к пересказу, и лучше бы он этого не делал. Ср., например, пересказ фрагмента из предисловия Л. Черткова [7, с. 7] в комментарии Р. Кожухарова к стихотворению «Тетерева» [8, с. 744].

В-третьих, Р. Кожухаров делает попытки связать эволюцию творчества Нарбута с более широким культурным контекстом: от братьев Лимбургов до Иосифа Бродского, но говорить об этом всерьез невозможно. Одна из сквозных тем предисловия и примечаний — «Нарбут и Скворода». Тема, несомненно, заслуживающая внимания, тем более что по ее поводу написано не так много. Но она таит в себе по крайней мере один большой подводный камень: сравнение философской системы с поэтической требует четких критериев сопоставления. Иначе, как это получилось у Р. Кожухарова, мы прочитаем множество утверждений о «сквородианстве» Нарбута, но без опоры на труды самого Сквороды, вроде пояснения к следующей строке: «*Что можно лишь существовать, / закутываясь в плац дырявый* — скрытая полемика с учением Г. Сквороды» [8, с. 758]; ср. также: «Стоицизм Сенеки перекликается с учением Г. Сквороды» [8, с. 785]. Удивительное упрощение!

Вопреки печальной традиции, сложившейся в наши дни, когда автору отводится роль и рецензента, и редактора, и корректора, над рассматриваемым изданием работал целый коллектив: два рецензента, два редактора и корректор. Интересно, читали ли они то, под чем поставили свои имена? Читали и нашли сей труд вполне достойным опубликования? Впрочем, показательное суждение ответственного редактора сборника М. Амелина,

¹⁵ Соболев А. Малоизвестные стихотворения о голоде (Нарбут, Тиняков) / Пост от 21 мая 2011. URL: <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/144183.html>.

охарактеризовавшего язык Нарбута (язык его поэзии, надо думать) как «южнорусский, условно говоря — разлива между Полтавщиной и Ростовом-на-Дону, такой специфический русский полусуржик» [2]. Поэтический язык Нарбута был создан им с опорой на межязыковую (русско-украинскую) омонимию и паронимию, диалектизмы и просторечия, тонко организован Нарбутом-филологом, языковой опыт которого больше основывался на печатных (прежде всего, лексикографических) источниках, нежели на речевом узусе. Его рукописи свидетельствуют о внимательном чтении словаря Даля, а студенческий реферат Нарбута, сохранившийся в архиве, содержит достаточно репрезентативную подборку источников по фольклористике¹⁶. Нарбут довольно точен в использовании лексики, связанной с народным бытом, миром природы и т. п. В ходе работы над его словарем нам удалось заметить лишь одну (!) фактическую неточность.

Так или иначе, все вышесказанное ставит под сомнение возможность обращения к этому изданию не только литературоведов и лингвистов, но и читателей, чей интерес к творчеству В. Нарбута выходит за пределы небольших подборок в разного рода поэтических антологиях. Учитывая нынешние средства распространения информации, нельзя не опасаться вхождения в научный и читательский обиход «смонтированных» стихотворений Нарбута вкупе с фантастическим вымыслом примечаний и не менее фантастическим домыслом из вступительной статьи, в которой поэт представлен, главным образом, идеологизированными пассажами и маловразумительными рассуждениями о «музе с совестью»¹⁷.

Завершим сказанное, опираясь на опыт самого Нарбута, который свои рецензии заключал отзывом об оформлении книги: выбор шрифта (PT Serif) для этого издания представляется случайным, поскольку шрифт этот вполне безликий (был разработан для оформления документов). Хорошая бумага, прочный переплет, обложка цвета засохшей крови, поверх которой «проступают» какие-то рукописные строки. Строки Нарбута? Нет, при ближайшем рассмотрении — просто каракули.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 519. Студенческое сочинение «Характеристика разных наций в пословицах и поговорках русского народа».

¹⁷ «Создавая в своих стихах новую реальность большевистского бытия, поэт черпал средства из дореволюционного, акмеистического багажа, тем самым обуславливая ситуацию, при которой и после тектонического разлома 1917 года соратники по строительству “весеннего терема” новой жизни связывали послереволюционные стихи поэта с акмеизмом» [8, с. 758].

Список литературы

1. *Беспрозванный В.* «Год творчества первый»: литературный дебют Владимира Нарбута. «Стихи» (1910) в оценке литературной критики. Статья 1 // Сборник Матице Српске за Славистику. № 85. Нови Сад, 2014. С. 69–83.
2. *Визель М.* «В издательстве «ОГИ» вышло самое полное на данный момент собрание сочинений поэта Владимира Нарбута» // Год Литературы. 2019, 12 марта. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/vozvvrashhenyuu-narbut> (дата обращения 01.09.2020).
3. *Зенкевич С.* Слуга сложного слова. Рецензия на собрание сочинений В.И. Нарбута (ОГИ, 2018) // Южное сияние. 2019. № 2. URL: <http://ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie/9-zhurnal-yuzhnoe-siyanie/72-us-2-2019> (дата обращения 15.08.2020).
4. *Кихней Л.Г., Маер А.А.* Эсхатологический миф в творчестве позднего В. Нарбута // Вестник Костромского госуниверситета. 2009. № 2. С. 61–64.
5. *Мионов А.* Владимир Нарбут: вхождение в литературную жизнь (материалы к творческой биографии поэта) // Уральский филологический вестник. (Екатеринбург). 2012. Вып. 1. С. 36–47.
6. *Мионов А.В.* Неудачи Нарбута-поэта и Нарбута-редактора // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А.В. Подчиного и Т.А. Снигиревой. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. С. 24–47.
7. *Нарбут В.* Избранные стихи / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Черткова. Paris: La Presse Libre, 1983. 254 p.
8. *Нарбут В.И.* Собр. соч.: Стихи. Переводы. Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Р.Р. Кожухарова. М.: ОГИ, 2018. 832 с.
9. *Нарбут В.И.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М.: Современник, 1990. 450 с.
10. *Нарбут Т.Р., Устиновский В.Н.* Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19 / сост. Н.А. Богомолов. М.: Худож. лит., 1990. С. 313–329.
11. МПоззия серебряного века: Антология / сост., ст. и примеч. М.М. Кралина. СПб.: Лениздат, 1996. 271 с.
12. Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М.: Книжная палата, 1992. Т. 15. 559 с.
13. *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным Книжкам» Ахматовой: Левый фланг акмеизма // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 152–174.
14. *Тименчик Р.* Нарбут // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 4. С. 227–229.
15. *Strakhovsky L.* Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich // The Russian Review. 1950. Vol. 9. No 2. P. 131–145.
16. *Thomson R.D.B.* The Vision of the Bog: The Poetry of Vladimir Narbut // Russian Literature. 1981. Vol. 10. No 4. P. 319–333.

*Статья поступила в редакцию: 05.04.2020
Одобрена после рецензирования: 28.07.2020
Дата публикации: 25.09.2020*

“The Big Book of Errors” (New Collected Works of Vladimir Narbut)

© 2020. Vadim G. Besprozvanny

University of Michigan,
Ann Arbor, USA

Abstract: This review of the newly published book “Vladimir Narbut. Poetry. Translations. Prose” (Roman Kozhukharov, ed., Moscow, 2018) evaluates the textual criticism methods applied to this collection, reflects on the quality of the commentaries and the preface essay, and reveals a remarkable number of flaws the new edition has: the altered structure of the poetic cycles, chronological and bibliographical errors, and issues with text variants. The editor demonstrates little regard for the textual accuracy, and employs a self-contradictory strategy for the versions and drafts of the poetic texts. The commentaries that supply the book lack merely a professional approach: some are too detailed (or too telegraphic), others disconnect from the context, and some are irrelevant or misguided. The latter is particularly true for the Russian-Ukrainian interlingual homographs and homonyms, and ethnographic realia. The long-winded preface essay provides a detailed overview of the poet’s life, and is full of debatable esoteric assumptions and preposterous conclusions.

Keywords: Vladimir Narbut, textual criticism, editions of the poet’s literary heritage, commentaries, reviews.

Information about the author: Vadim G. Besprozvanny, PhD, Lecturer IV in Information, School of Information, University of Michigan, 500 S State St, Ann Arbor, MI 48109, USA. ORCID ID: 0000-0002-5788-6557. E-mail: vbesproz@umich.edu.

For citation: Besprozvanny, V.G. “‘The Big Book of Errors’ (New Collected Works of Vladimir Narbut).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 366–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-366-386>

References

1. Besprozvannyi, V. “‘God tvorchestva pervyi’: literaturnyi debiut Vladimira Narbuta. ‘Stikhi’ (1910) v otsenke literaturnoi kritiki. Stat’ia 1” [“‘The First Year of Creative Work’: Vladimir Narbut’s Literary Debut. Literary Critics on ‘Poems’ (1910). Article 1”]. *Zbornik Matitse Srpske za Slavistiku*, no. 85. Novi Sad, 2014, pp. 69–83. (In Russ.)

2. Vizel', M. “V izdatel'stve ‘OGI’ vyshlo samoe polnoe na dannyi moment sobranie sochinenii poeta Vladimira Narbuta” [“The Publishing House ‘OGI’ Published the Most Complete Collection of Works of the Poet Vladimir Narbut”]. *God Literaturny*, March 12, 2019. Available at: <https://godliteraturny.ru/public-post/vozvrashenny-narbut> (Accessed 15 August 2020). (In Russ.)

3. Zenkevich, S. “Sluga slozhnogo slova. Retsenziia na sobranie sochinenii V.I. Narbuta (OGI, 2018)” [“The Servant of a Complicated Word. Review of the Collected Works by V.I. Narbut (OGI, 2018)”]. *Iuzhnoe siianie*, no. 2, 2019. Available at: <http://ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie/9-zhurnal-yuzhnoe-siyanie/72-us-2-2019> (Accessed 15 August 2020). (In Russ.)
4. Kikhnei, L., Maer, A. “Eskhatologicheskii mif v tvorchestve pozdnego V. Narbuta” [“Eschatological Myth in V. Narbut’s Late Works”]. *Vestnik Kostromskogo gosuniversiteta*, no. 2, 2009, pp. 61–64. (In Russ.)
5. Mironov, A. “Vladimir Narbut: vkhozhdenie v literaturnuiu zhizn' (materialy k tvorcheskoi biografii poeta)” [“Vladimir Narbut: Entering Literary Life (Materials for the Poet’s Biography)”]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, issue 1. Ekaterinburg, 2012, pp. 36–47. (In Russ.)
6. Mironov, A. “Neudachi Narbuta-poeta i Narbuta-redaktora” [“Failures of Narbut as a Poet and Editor”]. *Fenomen tvorcheskoi neudachi [Artistic Failure as a Phenomenon]*, ed. by A.V. Podchinyeni, T.A. Snigireva, 2nd ed. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2011, pp. 24–47. (In Russ.)
7. Narbut, V. *Izbrannye stikhi [Selected Poems]*, ed., introd., comm. by L. Chertkov. Paris, La Presse Libre Publ., 1983. 254 p. (In Russ.)
8. Narbut, V. *Sobranie sochinenii: Stikhi. Perevody. Proza [Collected Works: Poems, Translations, Prose]*, comp, ed., introd., comm. by R.R. Kozhukharov. Moscow, OGI Publ., 2018. 832 p. (In Russ.)
9. Narbut, V. *Stikhotvoreniia [Poems]*, introd, comp., comm. by N. Bialosinskaya and N. Panchenko. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 450 p. (In Russ.)
10. Narbut, T., Ustinovskii, V. “Vladimir Narbut” [“Vladimir Narbut”]. *Novo-Basmannaia, 19 [Novo-Basmannaia, 19]*, comp. by N.A. Bogomolov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 313–329. (In Russ.)
11. *Poeziia serebrianoogo veka: Antologiiia [Poetry of the Silver Age: Anthology]*, comp., introd., comm. by M.M. Kralin. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 271 p. (In Russ.)
12. *Russkie sovetskie pisateli. Poety. Bibliograficheskii ukazatel' [Russian Soviet Writers. Poets. Bibliographic Index]*, vol. 15. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1992. 559 p. (In Russ.)
13. Timenchik, R. “Iz imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym Knizhkam’ Akhmatovoi: Levyi flang akmeizma” [“From the Index to Akhmatova’s ‘Notebooks’: Left Wing of Acmeism”]. *Acta Slavica Estonica VII. Blokovskii sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaia literatura Serebrianoogo veka [Acta Slavica Estonica VII. Blok Collection XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]*. Tartu, 2015, pp. 152–174. (In Russ.)
14. Timenchik, R. “Narbut” [“Narbut”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers, 1800–1917. Biographical Dictionary]*, vol. 4. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1995, pp. 227–229. (In Russ.)
15. Strakhovsky, L. “Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich.” *The Russian Review*, vol. 9, no. 2, 1950, pp. 131–145. (In English)
16. Thomson, R.D.B. “The Vision of the Bog: The Poetry of Vladimir Narbut.” *Russian Literature*, vol. 10, no. 4, 1981, pp. 319–333. (In English)

The article was submitted: 05.04.2020

Approved after reviewing: 28.07.2020

Date of publication: 25.09.2020